

Собрание сочинений
Н. И. КАРБЕВА.

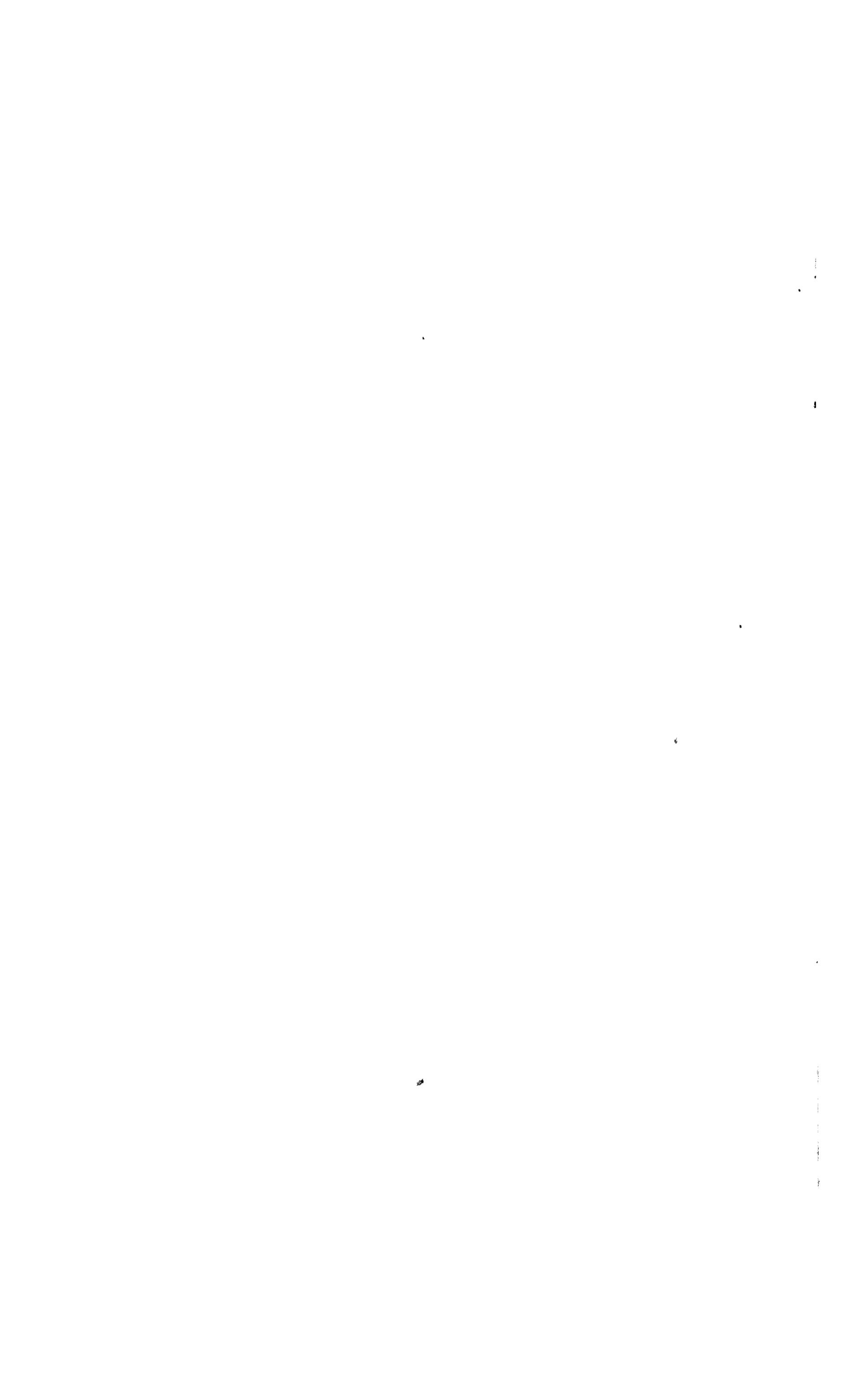
КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКАГО МАТЕРИАЛИЗМА.

(Старые и новые этюды).

Т. III.

КИЕВО-ПРОМЕТЕЙ-
Н. Н. МИХАЙЛОВА:

Н. И. КАРЂЕВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Т. III.

Н. И. КАРЂЕВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. III.

—

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ»
Н. Н. МИХАИЛОВА.

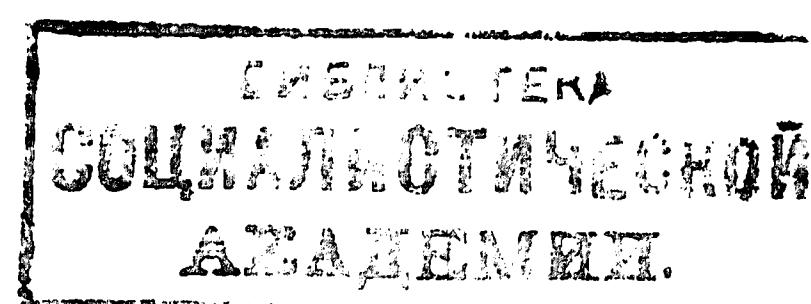
Н. И. КАРЂЕВЪ.

X

КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКАГО МАТЕРИАЛИЗМА.

(Старые и новые этюды).

165813.

1913.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

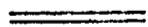
112

1898

23

Н. И. КАРЂЕВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Т. I. Исторія съ философской
точки зрењія.

Т. II. Философія исторіи въ
русской литературѣ.

Т. III. Критика экономическо-
го матеріализма.

Т. IV. Самообразованіе и вы-
работка міросозерцанія.

Л. Л. Л. Л. Л. Л.
Тип. т-ва „Общ.
Польза“, Бол.
Подъяч., 39.
УУУУУУУУУУ

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Предисловіе къ III тому	V
I. Вступленіе	1
II. Происхожденіе историческаго направлениія въ совре- менной исторіографії	6
III. Происхожденіе и содержаніе экономического материа- лизма, какъ исторической теоріи	15
IV. Исторіологическая воззрѣнія Маркса и Энгельса . .	42
V. Разборъ аргументаціи нѣмецкихъ сторонниковъ эконо- мического материализма	55
VI. Измѣненія, вносимыя въ экономической материализмъ нѣкоторыми его послѣдователями	81
VII. Попытка обоснованія экономического материализма въ книгѣ Лоріа	97
VIII. Экономический материализмъ въ «Критическихъ замѣт- кахъ» П. Б. Струве	122
IX. Экономический материализмъ въ «Монистическомъ взглядѣ на исторію» г. Бельтова	146
X. Отношеніе къ экономическому материализму критиковъ гг. Струве и Бельтова	168
XI. Взглядъ М. И. Туганъ-Барановскаго на значеніе эко- номического фактора въ исторіи	204
XII. Что такое экономический материализмъ?	211

„тріады“ Гегеля. Ни для критики, ни для обоснованія экономического материализма здѣсь ничего нѣтъ.

Замѣчу въ заключеніе, что книга г. Бельтова не заставила меня сдѣлать ни малѣйшихъ измѣненій въ томъ, какъ я излагаю генезисъ экономического материализма. Г. Бельтовъ, върный въ данномъ случаѣ діалектическому методу, представилъ исторію общихъ историческихъ взглядовъ XVIII и XIX в., какъ чисто логической процессъ, и я на его мѣстѣ, вѣроятно, поступилъ бы нѣсколько болѣе въ согласіи съ тѣмъ, что г. Бельтовъ считаетъ сущностью экономического материализма, т.-е. показалъ бы, какъ развитіе реальныхъ отношеній XVIII и XIX вв. отразилось на исторіографіи. Впрочемъ, поступая такъ, какъ онъ поступилъ въ данномъ случаѣ, г. Бельтовъ отдалъ должную дань (даже, быть можетъ, большую, чѣмъ слѣдовало) отвергаемому имъ историческому идеализму.

X. Отношеніе къ экономическому материализму критиковъ гг. Струве и Бельтова.

Книги гг. Струве и Бельтова вызвали въ нашихъ журналахъ цѣлый рядъ критическихъ статей и замѣтокъ, въ большинствѣ случаевъ неблагопріятныхъ для тѣхъ ідей, защитниками которыхъ оба автора выступили въ этихъ книгахъ. Критикѣ были подвергнуты разныя стороны проповѣдуемыхъ ими теорій, и несогласіе выражено было по поводу разныхъ спорныхъ пунктовъ. Между прочимъ, обращалось при этомъ болѣшее или меныше внимание и на экономической материализмѣ. Не касаясь споровъ о діалектическомъ методѣ и роли личности въ исторіи, о субъективной соціологии и народничествѣ, о капитализмѣ и русской общинѣ, о ходѣ экономического развитія на Западѣ и у насъ, мы остановимся въ этой главѣ на тѣхъ мѣстахъ во всей этой полемикѣ, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ главному предмету настоящей работы, т.-е. къ экономическому материализму, опять-таки разумѣя подъ нимъ историческую теорію, по которой въ основѣ всѣхъ культурныхъ и соціальныхъ явлений въ жизни

народовъ лежитъ исключительно экономика. Замѣчу напередъ, что въ полемикѣ противъ гг. Струве и Бельтова экономической материализмъ далеко не занималъ первенствующаго мѣста, вслѣдствіе чего, между прочимъ, нѣкоторыя критическія статьи, направленныя противъ ихъ книгъ, и не могутъ быть совсѣмъ отмѣчены въ настоящемъ обзорѣ. Какъ бы тамъ ни было, замѣчанія объ экономическомъ материализмѣ, встрѣчающіяся въ этихъ критическихъ статьяхъ, даютъ извѣстный материалъ для сужденія объ основательности этой исторіологической концепціи. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній мы даже приводимъ почти цѣликомъ.

Изъ всѣхъ органовъ нашей періодической печати болѣе всего объ экономическомъ материализмѣ говорилось за все это время въ „Русскомъ Богатствѣ“, а въ „Русскомъ Богатствѣ“ чаще всего касался данного вопроса Н. К. Михайловскій въ своихъ статьяхъ „Литература и жизнь“. Михайловскій же является и однимъ изъ тѣхъ писателей, которые вызываютъ противъ себя наибольшее неудовольствіе г. Струве, причисляющаго его къ народникамъ¹⁾, и г. Бельтова, назвавшаго свою книгу „отвѣтомъ“ прежде всего Михайловскому. Какой онъ народникъ, можно видѣть хотя бы изъ собственныхъ его словъ, появившихся въ печати задолго до изданія книжки г. Струве, не говоря уже о другихъ аналогичныхъ заявленіяхъ. Вотъ эти слова: „я недавно говорилъ о народникахъ. Я старался показать, что они не успѣли до сихъ поръ сколько-нибудь обстоятельно не только обосновать, а даже формулировать свои взгляды“. Эти стреки я заимствую изъ статьи (стр. 98) Михайловскаго, помѣщенной въ январской книжкѣ „Русского Богатства“ за 1894 г., въ которой еще задолго до выхода въ свѣтъ сочиненій гг. Струве и Бельтова, если я не ошибаюсь, Михайловскій впервые заговорилъ именно о появленіи у насъ экономическихъ материалистовъ (стр. 98), сообщивъ при этомъ любопытныя данные о спорахъ между марксистами на счетъ того, какие изъ нихъ „настоящіе“ и какие „ненастоящіе“. Авторъ знакомитъ читателя здѣсь и съ сущностью этого исторіологического ученія (стр. 103—104), указывая на то, что для экономическихъ материалистовъ оно есть „нѣчто въ родѣ символа вѣры, допускающаго комментаріи и ужъ во всякомъ случаѣ не сомнѣнія“ (стр. 104). Это совершенно вѣрно. Далѣе, Михайловскій опять-таки совершенно вѣрно указываетъ на то, что

¹⁾ См. выше, стр. 129 и 133.

экономической материализмъ вовсе не обоснованъ¹⁾). Говорять, что Марксъ далъ „совершенно новое пониманіе“ исторического процесса. „Гдѣ же соотвѣтственная работа Маркса? Ея нѣть. И не только нѣть такой работы Маркса, но ея нѣть и во всей марксистской литературѣ... Марксъ только высказываетъ основанія теоріи экономического материализма, но нигдѣ не обосновываетъ ихъ ни подробнымъ анализомъ другихъ философско-историческихъ теорій, ни сколько-нибудь значительнымъ фактическимъ материаломъ“ (стр. 106). Съ ученіемъ Дарвина, дѣйствительно обоснованнымъ, экономической материализмъ поэтому въ сравненіе, какое дѣлается его приверженцами, идти не можетъ. Михайловскій справедливо замѣчаетъ еще, что основные пункты теоріи „были открыты, а затѣмъ и изложены въ Манифестѣ²⁾ въ такое время, когда, по собственному признанію одного изъ авторовъ (Энгельса), нужные для такого дѣла познанія были у нихъ слабы“ (стр. 106), и что вообще теорія эта „менѣе всего можетъ претендовать на научное происхожденіе: несмотря на всю эрудицію ея авторовъ (позднѣйшую только въ области политической экономіи), она родилась внѣ науки и, несмотря на ихъ войну съ метафизикой—именно въ нѣдрахъ гегельянской философіи“ (стр. 108). Михайловскій касается и того, какъ Энгельсъ приспособилъ къ экономическому материализму возврѣнія Моргана³⁾, отмѣчая при этомъ „забавное впечатлѣніе, вызываемое терминомъ *производство самого человѣка*, т.-е. *дѣтопроизводство*, за который Энгельсъ хватается для сохраненія хотя бы словесной связи съ основною формою экономического материализма“ (стр. 108). Для Энгельса теорія Моргана освѣтила многіе темные пункты исторіи, но вѣдь „ключъ къ этимъ загадкамъ былъ данъ, во-первыхъ, человѣкомъ, совершенно постороннимъ теоріи экономического материализма, ничего объ ней не знаяшимъ, а во-вторыхъ—при помощи фактора не экономического“ (стр. 108). Обращеніе Энгельса къ Моргану доказываетъ, что экономической материализмъ въ одномъ пунктѣ счелъ себя безсильнымъ. „Дѣтопроизводство“ имѣетъ свои физиологические и психические корни, и „при известной діалектической ловкости можно было бы доказывать, что не только юридическія, а и

1) Къ этому вѣдь потомъ, независимо отъ г. Михайловскаго, пришелъ и г. Струве, о чёмъ см. выше, стр. 126.

2) См. выше, стр. 42—43.

3) См. выше, стр. 49—50.

сами экономические отношения составляютъ надстройку надъ отношениями половыми и семейными“ (стр. 109). Если, далѣе, съ теченіемъ исторіи родовая связь растворяется, то „въ своемъ собственномъ продолженіи и обобщеніи—въ связяхъ національныхъ“: Михайловскій указываетъ на существованіе „національного чувства, какъ самостоятельного фактора, который, будучи вызванъ къ дѣйствію, вліяетъ на ходъ исторіи помимо и часто наперекоръ условіямъ производства“ (стр. 111). Онъ ссылается на то, что „основанное Марксомъ Международное Общество Рабочихъ, организованное въ цѣляхъ классовой борьбы, не помышдало французскимъ и нѣмецкимъ рабочимъ въ моментъ національного возбужденія рѣзать и разорять другъ друга“, да въ случаѣ войны и въ ближайшемъ будущемъ дѣла едва ли пойдутъ иначе (стр. 110). Кстати: излагая выше статью Меринга, я не отмѣтилъ одного мѣста, которое тутъ невольно приходитъ мнѣ на память. Въ одной своей работе Энгельсъ сказалъ—и Мерингъ (стр. 447) съ сочувствіемъ повторилъ это,—что „нѣмецкие соціалисты должны гордиться своимъ происхожденіемъ не только отъ Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна (французовъ и англичанина), но также отъ Канта и Гегеля“ (нѣмцевъ), хотя, замѣтимъ, какіе же Кантъ и Гегель были соціалисты?

Экономические материалисты приписываютъ Марксу открытие закономѣрной необходимости исторического процесса и объявили, что руководители, герои, великие люди и т. д., все это — вздоръ, въ который можно было вѣрить до открытія Маркса. „Надо, однако, — говоритъ Михайловскій, — замѣтить, что на этомъ, какъ и на многихъ другихъ пунктахъ марксистской литературы, самъ Марксъ отнюдь не можетъ быть приванъ къ отвѣтственности за все, что во имя его говорится его популяризаторами, комментаторами и пропагандистами. Какая-нибудь вскользь брошенная имъ мысль или даже не вскользь, но выраженная чисто отвлеченно или съ преувеличенною полемическою рѣзкостью, переходя изъ устъ въ уста, изъ книги въ книгу, постепенно утрачиваетъ свой условный характеръ и обращается въ послѣдней, въ данномъ случаѣ низшей, инстанціи въ догматъ. Марксъ былъ слишкомъ уменъ и ученъ, чтобы думать, что именно онъ открылъ идею исторической необходимости и законосообразности общественныхъ явлений“ (стр. 111). Михайловскій весьма вѣрно изображаетъ затѣмъ, какъ люди, вѣрящіе въ та-

кое „открытие“ Маркса, получивъ этотъ подарокъ (идею закономѣрной необходимости), т. - е. „нѣчто такое, что имъ самимъ не стоило ни малѣйшаго труда критической мысли“,пускаютъ въ ходъ эту „стертую монету“ въ своей полемикѣ съ идеалистами и утопистами (стр. 112). Мы видѣли и еще увидимъ¹⁾, что экономические материалисты превратили историческую необходимость прямо въ механичность, стихійность, въ полное отрицаніе роли личности въ исторіи (однако, возможное и при идеалистическомъ взглядѣ на исторію, когда, напр., все выводится изъ народнаго духа, въ которомъ тонуть индивидуальные души): Михайловскій въ дальнѣйшемъ и указываетъ на то, какъ нужно понимать историческую необходимость и взаимныя отношенія между „героями“ и „толпою“. Но слѣдовать за критикомъ въ развитіи этой темы для насъ въ настоящей книгѣ значило бы уклониться отъ главнаго предмета.

Въ той же самой статьѣ Михайловскій упоминаетъ о томъ, что Энгельсъ обвиняетъ немецкихъ экономистовъ въ замалчиваніи „Капитала“ Маркса. Кромѣ того, Энгельсъ говоритъ, что теоретики экономического материализма „съ самого начала обратились, главнымъ образомъ, къ рабочимъ и встрѣтили у нихъ ту восприимчивость, которой и не ожидали отъ представителей официальной науки“ (стр. 115). Нѣчто подобное мы читали и у Меринга²⁾. Михайловскій основательно возражаетъ, что замалчивали не экономическое учение Маркса, а только его историко-философскую концепцію, которая дѣйствительно не оказала никакого вліянія на научные сферы, и что самъ Марксъ, далѣе, думалъ дѣйствовать своими большими трудами именно на ученыхъ, а не на рабочихъ, которымъ совершенно было бы не подъ силу читать такія книги, какъ „Капиталъ“. „Вѣрно, поэтому, предположить, что неуспѣхъ экономического материализма (у ученыхъ) зависитъ отъ какихъ-нибудь изъяновъ или въ самой теоріи, или, по крайней мѣрѣ, въ юя обработкѣ“ (стр. 116). Михайловскій думаетъ, что дѣйствовало и то, и другое. „Несмотря,—говорить онъ,—несмотря на претензіи на особливую научность, теорія никогда не была научно обоснована и проверена. Но

1) Въ слѣдующей главѣ, гдѣ разбирается статья г. Туганъ-Барановскаго.

2) См. выше, стр. 70.

она удобно сводится къ соблазнительно ясной и краткой формулир., подкупающей многихъ и въ томъ случаѣ, когда они въ дѣйствительности совсѣмъ не ѿю руководятся въ оцѣнкѣ и воспроизведеніи историческихъ явленій... Въ наукѣ экономической материализмъ не оправдалъ себя, и этимъ достаточно объясняется его неуспѣхъ, особенно бросающейся въ глаза рядомъ съ блестящимъ успѣхомъ „Капитала“. Что же касается успѣха, которымъ экономической материализмъ пользуется, такъ сказать, въ ширину его распространенности въ критически непроверенномъ видѣ, то центръ тяжести этого успѣха лежитъ не въ наукѣ, а въ житейской практикѣ, устанавливаемой перспективами въ сторону будущаго. Перспективы эти не требуютъ отъ усвоивающаго ихъ нѣмецкаго рабочаго класса и принимающихъ горячее участіе въ его судьбѣ — ни знаній, ни работы критической мысли. Онъ требуютъ только вѣры“ (стр. 117). Подъ этимъ объясненіемъ мы готовы подписатьсь, но съ двумя оговорками: во-первыхъ, по нашему мнѣнію, перспективы, о которыхъ говорить критикъ, даже не находятся ни въ какой логической связи съ экономическимъ материализмомъ¹⁾, а во-вторыхъ, считая успѣхъ этого ученія неудивительнымъ среди нѣмецкихъ рабочихъ, онъ прибавляеть, что „поистинѣ этотъ успѣхъ удивителенъ у насъ“ (стр. 118), но мы думаемъ, что удивляться и тутъ нечего: догматическая привычки мысли и малыя знанія возможны во всякой средѣ, гдѣ нѣть настоящаго образованія, или гдѣ послѣднее очень слабо. Замѣтимъ, что собственно говоря, Михайловскій самъ говорить объ успѣхѣ вообще теоретического марксизма, понимаемаго въ частности въ смыслѣ ученія о томъ, что и Россія должна пережить капиталистический фазисъ развитія. Вѣдь и самъ почтенный критикъ кончаетъ статью уже соображеніями объ этомъ послѣднемъ вопросѣ. Центръ тяжести экономического материализма, однако, не здѣсь, и, читая статью Михайловскаго, я удивлялся, какъ ему ни разу не пришло въ голову спросить: „но какимъ же образомъ можно было бы понять самую возможность происхожденія всѣхъ сторонъ исторической жизни,—включая сюда и всю духовную культуру — изъ однѣхъ экономическихъ основъ?“ Отсутствие этого

¹⁾ См. выше, стр. 39 и слѣд.

вопроса, на мой взглядъ, есть единственный слабый пунктъ статьи: Михайловскій недостаточно выдѣлилъ экономической материализмъ, какъ таковой, изъ другихъ историческихъ соображеній марксизма, которые могутъ существовать (хотя это тоже не значитъ, что они вѣрны) и безъ сведенія къ экономизму и религіи, и философіи, и морали, и науки, и литературы, и искусства. Во всякомъ случаѣ, лицамъ интересующимся экономическимъ материализмомъ, слѣдуетъ прочесть (или перечесть) разсмотрѣнную статью.

Только-что указанного вопроса Михайловскій не ставить и во второй статьѣ, служащей продолженіемъ первой и помѣщенной въ февральской книгѣ „Русскаго Богатства“ за 1894 г. Эта послѣдняя статья посвящена почти цѣликомъ разсмотрѣнію вопроса о значеніи терминовъ гегельянской діалектики въ исторической схемѣ Маркса, понимая эту схему въ смыслѣ отрицанія капиталистическимъ строемъ строя феодального, за каковымъ отрицаніемъ должно послѣдовать отрицаніе отрицанія съ примиреніемъ противорѣчій между двумя историческими фазами (стр. 149). Мы видѣли ¹⁾, что экономической материализмъ заключается не въ этой исторической формулы, которая есть какъ-разъ формула лишь одного экономического развитія, тогда какъ экономической материализмъ есть учение о зависимости всей исторіи отъ экономики. Если бы даже указанная историческая схема Маркса была вѣрна и гегельянская формула была вполнѣ основательна въ такомъ ея примѣненіи, это отнюдь не могло бы служить аргументомъ въ пользу экономического материализма. Съ другой стороны, сведеніе всей исторіи къ экономикѣ точно также, допустимъ, могло бы выражать собою одну истину, но это ничего не говорило бы въ пользу того, что экономическое развитие должно совершаться непремѣнно по формулѣ Гегеля, т.-е. чтобы это развитіе было діалектическимъ, а напр., не органическимъ. Въ виду такого отношенія формулы Гегеля къ самому существу экономического материализма, мы и не станемъ излагать здѣсь вторую статью Михайловскаго, отмѣтивъ въ ней лишь кое-что.

„Пусть такъ“, — говоритъ Михайловскій, изложивъ основную формулу экономического материализма о „базисѣ“

¹⁾ См. выше, стр. 38.

и „надстройкъ“, — но вѣдь въ такомъ случаѣ и формула Гегеля должна находиться въ зависимости отъ определенныхъ (Михайловскій забылъ прибавить: материальныхъ) условій своего времени (стр. 150), а потому для не-гегельянца она и не убѣдительна. „Если, — продолжаетъ критикъ, — исторія философіи, написанная съ точки зрења экономического матеріализма, представляла бы огромный интересъ вообще, то, можетъ-быть, самымъ интереснымъ моментомъ ея было бы установление болѣе или менѣе прямой связи между гегельянствомъ и современными ему формами производства и обмѣна“. (стр. 150). Къ сожалѣнію, въ статьѣ не дано дальнѣйшаго развитія мысли, заключенной въ приведенныхъ словахъ. Михайловскій ищетъ „объясненія происхожденія гегельянства въ другихъ сферахъ“, т.-е. въ формъ производства и обмѣна и дѣлаетъ, конечно, хорошо, но еще лучше было бы указать, что исторія философіи съ точки зрења экономического матеріализма была бы совершенно немыслима, ибо пришлось бы выводить всѣ общія теоріи о знаніи и бытіи, о духѣ и матеріи, о человѣкѣ и природѣ и т. д. не изъ работы человѣческаго ума надъ этими вопросами, а изъ чего-то, этимъ вопросамъ и этой работе вполнѣ посторонняго. Всякій знакомый съ исторіей философіи отказался бы отъ задачи обосновать экономически возникновеніе, развитіе и преемственность философскихъ ученій, противоположности догматизма и скептицизма или критицизма, идеализма и реализма, спиритуализма и матеріализма, дуализма и монизма и пр. и пр. И каждый экономический матеріалистъ, который серьезно взялся бы за осуществленіе этой задачи, вынужденъ былъ бы или отказаться отъ своей точки зрења, или бросить такую работу. Кроме того, Михайловскій указалъ на пустоту діалектической схемы, которую Гегель наполнялъ однимъ содержаніемъ, а Марксъ наполнилъ другимъ, благодаря чему „ее, эту схему, можно снять съ этого содержанія, какъ крышку съ чашки, ничего не измѣнивъ, ничего не повредивъ, за исключеніемъ одного только пункта, правда, огромной важности“ (стр. 150—151). Фактически формальное значеніе гегельянской схемы въ ученіи экономического матеріализма было отмѣчено и другими его изслѣдователями¹⁾, что же касается до пункта громадной

¹⁾ См. выше, стр. 51 и 84.

важности, о которомъ упоминаетъ критикъ, то это—чаемое формулой „отрицаніе отрицанія“. Михайловскій замѣчаетъ, что діалектическій выводъ не есть доказательство (стр. 151). Совершенно вѣрно: по моему мнѣнію, если бы онъ и могъ служить доказательствомъ или если бы для „отрицанія отрицанія“ существовали какія-либо другія доказательства, это ничуть не свидѣтельствовало бы, напр., въ пользу того, что философскія системы зависятъ отъ формъ производства и обмѣна. Тѣмъ не менѣе въ статьѣ Михайловскаго есть отдѣльныя мысли, которые заключаютъ въ себѣ вѣсіе доводы противъ экономического материализма, но, къ сожалѣнію, они не были имъ развиты. Онъ указываетъ, напр., мимоходомъ на „*крайнюю сложность общественной жизни, которую представители экономического материализма пытаются разложить на экономической фундаментъ и надстройку, совмѣщающую въ себѣ все остальное*“ (стр. 153). „Исторія, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — слишкомъ сложна и разностороння, чтобы ее можно было построить на какомъ бы то ни было одноцвѣтномъ фундаментѣ“ (стр. 154). Вотъ гдѣ центръ тяжести опроверженія экономического материализма, и если критикъ не на этомъ особенно настаиваетъ, а на гегельянской формулѣ съ ея пророчествомъ объ „отрицаніи отрицанія“, съ тѣми практическими выводами, которые отсюда дѣлаются, то это служить указаніемъ, какая сторона марксизма подвергается имъ разбору. Мы согласны съ Михайловскимъ, что марксисты напрасно выдаютъ въ данномъ случаѣ предметъ своей вѣры за результатъ научнаго изслѣдованія (стр. 151 и 161), но даже будущее въ вопросахъ общественныхъ всегда должно быть въ большей или меньшей мѣрѣ предметомъ вѣры: конечно, нужно только, чтобы вѣра за вѣру такъ и принималась. Вѣра въ то будущее, которое пророчитъ діалектическая формула, отнюдь не можетъ обязывать къ принятию положенія, по которому вся исторія объясняется экономіей, ибо такие вопросы должны быть предметомъ знанія, т.-е. аналитическаго изслѣдованія дѣйствительности, а не вѣры, т.-е. не синтетического творчества идеала. Для тѣхъ, которые думаютъ, что діалектическій методъ Гегеля есть одна изъ сильныхъ сторонъ экономического материализма, небезполезно будетъ прочитать и эту статью Михайловскаго.

Обѣ разсмотрѣнныя статьи Михайловскаго вышли въ

свѣтъ ранѣе появленія книги г. Струве. Послѣдняя сдѣлалась предметомъ замѣчаній Михайловскаго въ октябрской книгѣ „Русскаго Богатства“. Въ работѣ г. Струве критика, какъ самъ онъ выражается, „пріятно поразило“ признаніе автора въ томъ, что теорія экономического материализма пока еще не оправдана ни философскою мыслью, ни фактически (стр. 46). „Къ сожалѣнію, — продолжалъ Михайловскій, — въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Струве разсуждаетъ такъ, какъ будто философски не обоснованная и фактически не проверенная теорія не подлежитъ рѣшительно никакимъ сомнѣніямъ“ (стр. 47). Михайловскій не безъ основанія сравниваетъ отношеніе г. Струве къ экономическому материализму съ отношеніемъ мусульманина къ корану. Кроме того, критикъ опять-таки не безъ основанія упрекаетъ г. Струве въ томъ, что тотъ не всегда близко и точно знакомъ съ тѣмъ соціологическимъ міросозерцаніемъ, которое онъ стремится опровергнуть. Мы, однако, оставимъ въ сторонѣ всѣ тѣ места въ статьѣ Михайловскаго, которые не имѣютъ прямого и непосредственного отношенія къ экономическому материализму.

Въ своей критикѣ Михайловскій исходитъ изъ отмѣчаемой г. Струве противоположности, существующей между объясненіемъ сознанія людей изъ ихъ бытія, и, наоборотъ, объясненіемъ бытія изъ сознанія (стр. 48). Намъ кажется, что Михайловскій придастъ стремленію экономическихъ материалистовъ объяснить сознаніе изъ бытія нѣсколько иное значеніе, нежели подобаетъ. Дѣло въ томъ, что Гегель выводилъ общественное бытіе людей, т.-е. формы политической жизни изъ ихъ сознанія, тогда какъ, наоборотъ, Марксъ и Энгельсъ сочли нужнымъ выводить господствующее въ обществѣ міросозерцаніе изъ фактическихъ отношеній, или формъ общественной жизни. Въ данномъ случаѣ бытіе вовсе не обозначаетъ матеріи, а сознаніе — духа или что-нибудь въ родѣ этого, какъ думаетъ Михайловскій. Подчиненіе сознанія бытію готовъ раздѣлять вѣдь и самъ Михайловскій, замѣчая, что „какъ бы высоко ни залетали эти идеалы, проницательный историкъ усмотритъ ихъ земное происхожденіе, ту дѣйствительность, тѣ факты, которые создали эти идеалы“ (стр. 49). Но то, что въ данномъ случаѣ имѣть въ виду Михайловскій, сдѣлалось достояніемъ всѣхъ историковъ, отрѣшившихся отъ какой бы то ни было мистики и мета-

фізики. Да, идеалы имѣютъ, конечно, земное происхожденіе, но весь вопросъ въ томъ, *какія* земныя силы ихъ порождаютъ: въ самомъ дѣлѣ, и человѣческое сознаніе, и работа человѣческой мысли, творчество человѣческаго ума, вообще, душевныя потребности и способности человѣка суть, несомнѣнно, явленія совершенно земныя, и пониманіе исторіи вовсе не сдѣлается материалистическимъ только потому, что объясняется она будстъ изъ этихъ земныхъ, а не какихъ-либо, что ли, небесныхъ началъ. Нѣтъ, когда, экономические материалисты говорятъ о зависимости сознанія отъ бытія, они подъ сознаніемъ исключительно разумѣютъ никакъ не то, что этимъ словомъ обозначается въ психологіи, а лишь совокупность извѣстныхъ представлений, понятій, идей, господствующихъ въ обществѣ и входящихъ въ составъ его духовной культуры, а подъ бытіемъ разумѣютъ фактическія отношенія между людьми, поскольку послѣднія опредѣляются условіями производства и обмена. Михайловскій соглашается съ Г. Струве, что „идеалы создаются дѣйствительностью, фактами“, и даже замѣчаетъ, что „доказать это въ настоящее время нетрудно, потому что это— результатъ многовѣковой работы человѣческаго ума“. Боюсь, нѣтъ ли здѣсь какого-либо недоразумѣнія, но я подъ такою формулою, столь категорически выраженою, подписаться не рѣшился бы, хотя въ дальнѣйшемъ съ Михайловскимъ нельзя не согласиться: „но доказать это,—продолжаетъ онъ,—не значитъ убѣдить читателей или слушателей въ непреложности экономического материализма; для этого послѣдняго требовалось бы еще доказать, что, именно, экономическая дѣйствительность и только она лежитъ въ основѣ всѣхъ идеаловъ“ (стр. 49). Признавая, что материалистическое пониманіе исторіи заключается въ томъ реализмѣ (земныя начала), который характеризуетъ современную науку, Михайловскій видитъ въ экономическомъ материализмѣ лишь частный случай такого материалистическаго пониманія исторіи, и прібавляетъ, что экономическому материализму „не предлагается прятаться за столь общее положеніе, какъ объясненіе сознанія людей изъ ихъ бытія въ противоположность прежнему объясненію бытія изъ сознанія“ (стр. 50). Дѣйствительно, это общее положеніе рѣшительно ничего не говорятъ въ пользу экономического материализма, ибо бытіе бываетъ разное, и не одна только экономика имѣть привилегію называться бытіемъ. Если бы я здѣсь

спорилъ съ Михайловскимъ, а не съ представителями экономического материализма, я бы обстоятельнѣе показалъ, въ чёмъ не ему согласиться съ Михайловскимъ, но для меня тутъ важно отмѣтить пунктъ согласія, а онъ заключается въ томъ, что основная мысль экономического материализма остается недоказанной. Укажу еще на то, что Михайловский совершенно вѣрно объясняетъ, почему экономические материалисты, не довольствуясь положительнымъ утверждениемъ, прибавляютъ къ нему и отрицательное заявленіе: „а не бытіе изъ сознанія“. Точно также экономические материалисты говорятъ, что основа исторіи заключается въ экономіи эпохи, а не въ философіи послѣдней. Экономической материализмъ явился, именно, какъ реакція противъ гегельянства, думавшаго объяснять все одной философіей, и если основатели экономического материализма настойчиво твердятъ: „не въ философії“, „не изъ сознанія“, то дѣлаютъ это лишь потому, что не могутъ, да и не пытаются выбиться изъ круга гегельянской мысли. У насъ въ Россіи уже нѣтъ никакого резона твердить то, что было понятнымъ въ Германіи въ эпоху, когда еще господствовала Гегелева философія (стр. 50—52). Наконецъ, Михайловскій совершенно вѣрно отмѣчаетъ, что „безспорныя заслуги основателей экономического материализма въ специально-научной области совершенно независимы отъ ихъ философії“, и что „великія научныя пріобрѣтенія нашего вѣка, теорія Дарвина, теорія единства силъ, астрономической открытія и т. д. не имѣютъ никакого отношения къ знаменитой гегельянской формулѣ, не изъ нея выросли, не ею орудуютъ, не къ ней приходятъ“ (стр. 53).

Дальнѣйшія возраженія Михайловскаго касаются прежде всего отношенія г. Струве къ человѣческой личности, при чёмъ критикъ находитъ въ книгѣ, имъ разсматриваемой, такое же „уничтожающее презрѣніе и холодную жестокость“ къ личности, какія характеризуютъ систему Гегеля (стр. 55). Затѣмъ идутъ замѣчанія на частныя мнѣнія г. Струве и, между прочимъ, возраженія по тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ г. Струве критиковалъ самого Михайловскаго. Въ концѣ статьи, кромѣ, того, говорится и о практическомъ примѣненіи формулы, въ которой выражается процессъ развитія капитализма, къ нашей русской дѣйствительности. Изъ всѣхъ соображеній Михайловскаго въ этой части статьи мы выдѣлимъ опять-таки

лишь имѣющія прямое отношеніе къ экономическому материализму.

„Экономический материализмъ, — говорить Михайловскій, — не есть всеобъемлющая философская система, а только обломокъ ея. Возрѣній его на природу мы, собственно говоря, почти не знаемъ... Въ экономическомъ материализмѣ нѣть философской связи между естествознаніемъ и обществознаніемъ... Казалось бы, самое материальное въ человѣческомъ обществѣ, это — плоть и кровь составляющихъ его членовъ, людей, индивидовъ, т.-е. элементъ биологический, а затѣмъ материалистъ могъ бы спуститься еще глубже, въ область, пожалуй, физики и механическихъ теорій. Сообразно выбору той или другой изъ этихъ ступеней матеріи, понятіе объ историческомъ процессѣ могло бы получить весьма разнообразный характеръ. Но экономической материализмъ выбралъ нѣчто, стоящее внѣ этихъ ступеней, — не матерію, а переработку матеріи человѣческими руками и ея передачу на известныхъ условіяхъ изъ рукъ въ руки, — производство и обмѣнъ. Послѣдовательный материалистъ этимъ удовлетвориться не можетъ, и тотъ, кто думаетъ, что при помощи экономического материализма найдена самая сущность, самое дно вещей, которое прежде искали при помощи идеализма, жестоко ошибается: и тогда была яма глубокая, и теперь въ ней дна не видно. Мало того: старая философія, хоть бы тоже гегельянство, несмотря на свою основную односторонность, пыталась обнять единымъ принципомъ все сущее, а теперь мы имѣемъ лишь осколокъ ея, сугубо односторонне сосредоточивающій наше вниманіе“ (стр. 69—70). Что экономический материализмъ есть обломокъ или осколокъ „льваго“ гегельянства, это конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и тименno, какъ обломку тлїи осколку, т.-е. ученію, не ставящему своею задачею объяснить все мірозданіе — нечего было бы ставить это въ упрекъ, но Михайловскій, дѣйствительно, вѣрно отмѣтилъ, что послѣдовательный материалистъ не удовлетворился бы экономическимъ материализмомъ, да и можетъ ли, спросили бы мы, называть это ученіе материализмомъ, разъ оно исходить 1) изъ идей переработки матеріи человѣкомъ по известному плану и 2) изъ идей обмѣна результатами этой переработки, предполагающаго психическое взаимодѣйствіе между людьми? Въ другомъ мѣстѣ

г. Михайловский такъ же основательно замѣчаетъ, что экономическому материализму „следовало бы сосредоточить свои силы прежде всего на доказательствѣ того, что сущность, исторического процесса состоитъ въ саморазвитіи формъ производства и обмѣна, и что правовые и политическая учрежденія, равно какъ религиозныя и философскія и всѣ прочія воззрѣнія каждого данного периода суть только надстройки на этомъ основаніи“ (стр. 72). Къ сожалѣнію Михайловский очень мало споритъ какъ-разъ противъ этого основного утвержденія. Но зато онъ довольно много и съ успѣхомъ возражаетъ противъ формулы, будто идеалы не создаютъ дѣйствительности.

Книгъ г. Бельтова Михайловскій посвящаетъ вторую половину статьи „Литература и жизнь“, въ январской книжкѣ „Русского Богатства“ за 1895 г. Мы не станемъ, конечно, останавливаться на тѣхъ мѣстахъ статьи Михайловскаго, въ которыхъ онъ, такъ сказать, сводить личные счеты съ г. Бельтовымъ. Мы не станемъ также останавливаться на тѣхъ страницахъ, где Михайловскій возражаетъ г. Бельтovу уже и по существу, указывая на то, въ какомъ вообще отношеніи находится экономический материализмъ къ философіи вообще и въ частности къ материалистической метафизикѣ, которую, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ критикъ авторъ „Монистического взгляда“ ошибочно отожествляетъ съ наукой (стр. 149). Отмѣтимъ только одно мѣсто (стр. 148) гдѣ, возвращаясь къ г. Струве, Михайловскій упоминаетъ, что Зиммель, усердно рекомендуемый авторомъ „Критическихъ Замѣтокъ“ въ качествѣ критического философа, называетъ экономический материализмъ догматизмомъ, подобнымъ теоретическому материализму. Самое для насъ важное, это—то, что говоритъ Михайловскій по поводу пропуска г. Бельтовымъ Луи Блан изъ числа родоначальниковъ экономического материализма. Этотъ пропускъ, дѣйствительно, весьма страненъ¹⁾. Въ истории „Десяти лѣтъ“ есть „и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика, какъ скрытая пружина политики, вообще, многое, что позже вошло въ составъ доктрины, такъ горячо защищаемой г. Бельтовымъ“ (стр. 150). Михайловскій говоритъ еще, что идеи Луи Блана оказали не малое влияніе на нашу литературу, въ которой

¹⁾ См. выше, стр. 150.

,о б ъ экономической основѣ общественныхъ явлений писалось очень много и очень определено. Почему же, — спрашиваетъ Михайловскій, — люди, исходя изъ этого общаго столь определенного положенія, приходятъ къ очень различнымъ какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ выводамъ? Любопытный вопросъ, для отвѣта на который и Бельтовъ не дастъ, однако, никакихъ матеріаловъ, да и не задается имъ“ (стр. 150). Дѣйствительно, вопросъ этотъ любопытный, и Михайловскій даже думаетъ, что указанный проблѣмъ „намекаетъ на какія-то побочные цѣли, не имѣющія ничего общаго съ безпристрастіемъ“ (стр. 150). Къ сожалѣнію, Михайловскій только вскользь бросилъ это важное замѣчаніе, которое можетъ быть понято,— да и то не вполнѣ,—лишь читателями, очень хорошо знакомыми съ дѣломъ, т.-е. съ историческими идеями Луи Блана и ихъ отраженіемъ въ нашей литературѣ. Любопытно также отмѣтить сопоставленія взглядовъ г. Струве и г. Бельтова, которыхъ мѣстами дѣлаетъ Михайловскій. И быть можетъ, весьма интересную самостоятельную задачу для изслѣдованія представляло бы то общее явленіе, что по многимъ весьма важнымъ и даже наиболѣе существеннымъ вопросамъ теоріи исторического процесса представители экономического матеріализма совершенно не спѣлись между собою. Вообще, нужно сказать, что статья Михайловскаго въ январской книжкѣ „Рус. Бог.“ за 1895 г. даетъ очень много матеріала для критики книги г. Бельтова, его научныхъ и полемическихъ приемовъ, но очень мало касается самыхъ основъ экономического матеріализма. Тѣмъ не менѣе и въ этой статьѣ всѣми интересующимися вопросомъ не безъ пользы могутъ быть прочитаны стр. 146—152.

Кромѣ Михайловскаго въ „Рус. Бог.“ за 1895 г. по поводу книгъ гг. Струве и Бельтова и вообще по поводу представляемаго ими направлениія высказывались и другие писатели, которыхъ, однако, далеко не въ такой мѣрѣ, какъ Михайловскаго, интересовалъ историко-философскій вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ. Въ первой же книжкѣ „Рус. скаго Богатства“ за указанный годъ помещена статья г. Л. Зака „Исторический матеріализмъ“, а затѣмъ начало статьи Николая — она „Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени“. Вторая изъ этихъ статей представляеть собою исключительно разборъ экономическихъ взглядовъ г. Струве, и

мы на ней останавливаться не будемъ, первая же посвящена разбору взглядовъ, высказанныхъ Энгельсомъ въ его сочинении „Происхождение семьи, частной собственности и государства“; хотя она и не вызвана была непосредственно книгами новѣйшихъ русскихъ защитниковъ экономического материализма, но мы и ее здѣсь попутно разсмотримъ.

Г. Закъ въ своей статьѣ, между прочимъ, задається цѣлью просто познакомить русскаго читателя съ основными принципами экономического материализма безъ всякаго намѣренія убѣдить читателя въ вѣрности или ложности этой теоріи (стр. 1). Однако, онъ не удерживается на подобной позиціи и выражаетъ свой взглядъ на эту теорію. Марксъ „высказалъ свою точку зрењія на исторической процессъ мимоходомъ и не подкрѣпилъ ея фактической аргументаціей“. Предъявивъ ее очень скжато, онъ далъ „широкій поводъ для комментаріевъ всякаго рода, и потому въ воззрѣніяхъ многихъ марксистовъ оказывается достаточная доза собственныхъ добавленій“ (стр. 2). „Сказать, что въ основѣ общественной жизни вообще лежитъ экономический факторъ вообще, не значитъ еще держаться экономического материализма въ томъ видѣ, какъ его понималъ Марксъ: экономический факторъ и процессы производства, хотя и однородны, но не тождественны; первый относится къ послѣднимъ, какъ общее понятіе къ частнымъ; процессы производства, это—только одно слагаемое, хотя и первенствующее среди многихъ другихъ, составляющихъ сумму экономического фактора... Марксъ не обосновалъ и не аргументировалъ своего положенія о первичности способа производства по отношению ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни. Онъ много разъ собирался это сдѣлать, но его теорія такъ и осталась безъ аргументировки, осталась скелетомъ безъ крови и мускуловъ. Послѣдователи его ограничивались выясненіемъ экономической подкладки отдѣльныхъ историческихъ движений, не давая, однако, полной, удовлетворяющей научнымъ требованиямъ теоріи зависимости соціальныхъ явлений отъ способовъ производства. Если бы даже было доказано, что большое количество фактовъ свидѣтельствуетъ объ этой зависимости, все-таки оставалось бы еще выяснить ея рациональные причины; кромѣ вопроса: какъ? необходимо еще отвѣтить на вопросъ: почему? Непосредственный исполнитель литературного завѣщанія Маркса, Фр. Энгельсъ, также не

исполнилъ этой задачи, хотя онъ довольно часто полемизировалъ по поводу исторического материализма". Попытку Энгельса обосновать послѣдній на томъ, что „люди должны прежде всего имѣть пищу, платье, жилище, для того, чтобы быть въ состояніи заниматься политикой, наукой, искусствомъ", — эту попытку г. Закъ справедливо отказывается признать удачной: „изъ того, что голодное брюхо къ учению глухо, трудно вывести категорическое заключеніе, что человѣкъ всегда, главнымъ образомъ, руководствуется побужденіемъ желудка" (стр. 4—6). „Историческое воззрѣніе Маркса, — говоритъ г. Закъ въ другомъ мѣстѣ,—было часто неправильно понято, а еще чаще неправильно истолковано... Марксъ, конечно, не можетъ быть отвѣтственъ за то непреднамѣренное злоупотребленіе, которое сдѣлали изъ его теоріи ограниченные умы, объявившіе себя его учениками". (стр. 14). Г. Заку кажется, что экономической материализмъ Маркса долженъ быть понимаемъ лишь какъ *методъ* (курсивъ г. Зака) изслѣдованія историческихъ явлений, а не какъ *принципъ* для ся конструированія (стр. 15), но мы въ данномъ случаѣ позволимъ себѣ не согласиться съ авторомъ: марксисты въ вопросѣ объ экономическомъ материализмѣ совершенно вѣрно воспроизвели и вполнѣ послѣдовательно истолковали мысль самого Маркса. Зато г. Закъ надлежащимъ образомъ понимаетъ причину страстнаго отношенія къ экономическому материализму: это—связь данного ученія съ соціализмомъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же вѣрно онъ находитъ, что это связь *не* необходимая¹⁾. „То,—говоритъ онъ,—что творцомъ его явился соціалистъ, — чистая случайность; подобное воззрѣніе на исторический процессъ могъ высказать сторонникъ любой партіи... Между экономическимъ материализмомъ и соціализмомъ нѣть никакой внутренней связи, и если ихъ такъ упорно ставить рядомъ и предполагаютъ между ними необходимую зависимость, то это — недоразумѣніе, объясняемое тѣми историческими условіями, при которыхъ эта теорія была впервые высказана... Историческая гипотеза Маркса сдѣлалась орудіемъ партійной агитациіи, и разъ она была ввергнута въ водоворотъ борьбы партій, то о хладнокровномъ, безпристрастномъ къ ней отношеніи не могло быть и рѣчи" (стр. 16).

¹⁾ См. выше, гл. III и IV.

,,Гипотеза исторического материализма,—говорить еще г. Закъ,—представляетъ просторъ для субъективныхъ толкований, видоизменений и дополнений сообразно со вкусомъ того или другого писателя“. Такъ поступилъ и Энгельсъ. „Не довольствуясь установлениемъ, въ качествѣ опредѣляющаго момента въ исторіи, производства материальныхъ продуктовъ, онъ вводить еще одинъ элементъ — воспроизведеніе человѣческой жизни, т.-е. семейныхъ отношеній. И это онъ дѣлаетъ безъ всякихъ оговорокъ, какъ будто и самъ Марксъ подъ производствомъ разумѣлъ возсозданіе не только средство къ жизни, но и живыхъ существъ... Энгельсъ пропизвѣлъ только игру словъ, скажу болѣе,— прибавляетъ г. Закъ, — сыгралъ съ терминологіей своего друга злую шутку и, основываясь на этимологическомъ значеніи слова „производство“, ничто же сумняся ставить рядомъ съ производствомъ продуктовъ отношеніе мужчины къ женщинѣ“ (стр. 17). Дальнѣйшее въ статьѣ г. Зака и представляеть собою разборъ теоріи Энгельса о происхожденіи семьи, при чемъ онъ постоянно отмѣчаетъ, что эта теорія вносить въ экономической материализмъ совершенно ему чуждыя сначала воззрѣнія, и что вмѣстѣ съ этой прибавкой экономической материализмъ по-прежнему остается необоснованной и недоказанной доктриной (стр. 18, 26, 27, 28, 30, 32). Желающихъ познакомиться съ тѣмъ, какъ критикуетъ г. Закъ книжку Энгельса о происхожденіи семьи, собственности и государства, отсылаемъ къ самой статьѣ ¹⁾.

Въ февральской книгѣ „Русскаго Богатства“ за 1895 г.

¹⁾ Свое отношение къ экономическому материализму г. Закъ высказалъ еще въ статьѣ „Судьбы крестьянской общины въ Германіи“, помещенной также въ „Русскомъ Богатствѣ“. Этому, именно, посвященъ конецъ статьи (стр. 192—212 ноябрской книги), причемъ авторъ вполнѣ основательно замѣчаетъ что „неизбѣжность разложенія общины (пунктъ спора между марксистами и народниками по отношенію къ русской дѣйствительности) доказывается иногда при помощи теоретическихъ положеній, но положеній, чуждыхъ окраски исторического материализма“. Авторъ статьи въ данномъ случаѣ имѣеть въ виду принципъ „единообразнаго развитія въ исторіи человѣчества“ (стр. 206). Дѣйствительно, вѣра въ „историческій законъ, которому подчиняется всякая нація“, можетъ существовать безъ принятія основной идеи экономического материализма, и можно быть экономическимъ материалистомъ, не допуская общаго шаблона развитія. Другая замѣчанія г. Зака мы разсмотримъ ниже (стр. 192 и слѣд.).

(кромѣ продолженія статьи г. Николая—она), есть еще нѣсколько замѣчаній о книгахъ гг. Струве и Бельтова въ „Современной хроникѣ“ С. Н. Южакова. Авторъ остановился здѣсь исключительно на мѣстѣ, которое экономической материаціи (подъ которымъ онъ разумѣеть все возврѣніе гг. Струве и Бельтова съ ихъ практическими заключеніями) занимаетъ въ нашихъ общественныхъ и журнальныхъ теченіяхъ, справедливо замѣчая, что прежнее экономическое теченіе („экономической материаціи старого типа“, какъ опѣ его называетъ, дѣляя представителемъ его г. Николая — она) не обособляло себя такъ рѣзко отъ этико-соціологической и народнической школъ (стр. 174 и слѣд.).

Въ мартовской книгѣ „Русскаго Богатства“ въ статьѣ „Что же значитъ экономическая необходимость?“ г. Николай — онъ снова разбираетъ книгу г. Струве съ прибавкою къ ней на этотъ разъ и книги г. Бельтова. Авторъ, какъ мы сей-часъ видѣли, самъ признаѣтся другими за экономического материалиста (только „старого типа“), а потому у него и нечего искать опроверженія исходнаго пункта чисто исторіологическаго ученія его противниковъ, — лишилее доказательство, что, даже исходя изъ чисто-экономического взгляда на исторію, можно еще стоять въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ по отношенію къ одному и тому же марксизму въ его практическихъ примѣненіяхъ.

Въ апрѣльской книгѣ „Русскаго Богатства“ отмѣчаемъ статью г. И. Б—скаго „Нѣчто о діалектическомъ методѣ“. Авторъ указываетъ на большой интересъ, вызванный въ очень широкомъ кругу читателей экономическимъ материацізмомъ. Въ виду этого онъ пожелалъ „познакомиться поближе съ экономическимъ материацізмомъ и съ тѣмъ діалектическимъ методомъ, который прилагается его сторонниками къ анализу (?) общественныхъ отношеній“. Нашедши, что сочиненія Маркса „удѣляютъ очень мало мѣста этому методу и материалистическому пониманію исторіи“, г. И. Б—скій обратился къ Энгельсу, сочиненіе котораго противъ Дюринга и сдѣлалось предметомъ его критики (стр. 44). Мы видѣли, что гегельянская діалектика для экономического материацізма (сведенія всей исторіи къ экономикѣ) имѣеть чисто формальное значеніе, и что она получаетъ въ марксизмѣ реальный смыслъ лишь по отношенію къ

вопросу о развитіи капитализма¹), а потому все, что говорится въ статьѣ г. И. Б—скаго о діалектицѣ, прямого отношенія къ нашей темѣ не имѣть. Лишь самый конецъ статьи (стр. 69—72) посвященъ самому экономическому материализму. Вотъ что говоритъ здѣсь г. И. Б—скій: „смыслъ этого положенія тотъ, что всѣ нѣ-экономическія формы людскихъ отношеній составляютъ только надстройку, развивающуюся изъ экономического фундамента. Такое приравниваніе экономики фундаменту есть, конечно, не больше, какъ аналогія, но Энгельсъ и вообще материалисты въ исторіи полагаютъ, что фундаментъ обусловливаетъ собою все надстройку, какъ причина — слѣдствіе, что всякое измѣненіе въ надстройкѣ есть непремѣнно результатъ какой-нибудь перемѣны въ экономическомъ фундаментѣ. Эта мысль не совсѣмъ вѣрна. Фундаментъ, конечно, вещь важная въ томъ смыслѣ, что нужно соразмѣрить съ нимъ величину возводимаго зданія, нужно, чтобы они другъ другу *соответствовали*; весь же дальнѣйшій характеръ зданія находится въ *прямой* зависимости не отъ фундамента, а отъ тѣхъ отношеній, которыя вырабатываются по мѣрѣ того, какъ зданіе воздвигается. Вопросъ — въ томъ, должно ли какое-либо основное свойство вещи или явленія, развивающагося *исторически*, вліять всеопредѣляющимъ образомъ на тѣ свойства ея, которыя она приобрѣтаетъ по мѣрѣ развитія процесса и которыя, нужно думать *a priori*, находятся въ косвенной связи съ основнымъ свойствомъ?“ (69 — 70). На этотъ вопросъ г. И. Б—скій даетъ отвѣтъ отрицательный, полагая, что „на фундаментѣ можно возводить различныя постройки“, но что „искать ключа для (обясненія) происхожденія и характера производительныхъ чертъ нужно еще въ чемъ-либо иномъ, а не только въ фундаментѣ“. Отмѣтивъ, что, по Энгельсу, объясненія общественныхъ перемѣнъ нужно искать не въ философіи, а въ экономіи эпохи, г. И. Б—скій говоритъ: „въ чемъ же искать причинъ самихъ экономическихъ перемѣнъ? На это Энгельсъ не отвѣчаетъ“. Мало того, критикъ ловить Энгельса на противорѣчіи и ловить,—нужно замѣтить,—очень удачно. Онъ приводитъ изъ книги Энгельса мѣсто, где говорится, что у „метафизиковъ“ изъ двухъ вещей, находящихся въ причинной связи, одна вещь всегда есть причина,

¹⁾ См. выше, въ разныхъ мѣстахъ.

другая — слѣдствіе, тогда какъ для „діалектиковъ“ причины и слѣдствія безпрерывно мѣняются мѣстами, и то, что сегодня было слѣдствіемъ завтра становится *причиною* и наоборотъ. „Это значитъ, — продолжаетъ г. И. Б—скій,—что если въ одномъ случаѣ экономической фундаментъ является причиной соціальной надстройки, то въ другомъ случаѣ они мѣняются мѣстами, т.-е. надстройка обусловливаетъ ростъ самого фундамента. Энгельсъ, — прибавляетъ критикъ,—измѣняетъ своему діалектическому знамени, когда утверждаетъ, что всеопредѣляющей причиной различныхъ общественныхъ измѣненій всегда, во всѣ времена, являлся и является экономический факторъ, понимая подъ нимъ производство и обмѣнъ“ (71—72). Это замѣчаніе г. И. Б—скаго очень вѣско: діалектика въ пониманіи Энгельсомъ взаимоотношенія причинъ и слѣдствій и экономической материализмъ, відяцій постоянную причину въ одной экономикѣ, находятся между собою, дѣйствительно, въ противорѣчіи, и для спасенія экономического материализма Энгельсъ долженъ былъ бы понимать отношеніе слѣдствій къ причинамъ какъ-разъ „метафизически“, пользуясь его терминомъ, т.-е. по его же мнѣнію, ненаучно. Это надлежало бы принять къ свѣдѣнію и г. Бельтова, который слишкомъ много придаетъ значенія діалектику.

Въ заключеніе г. И. Б—скій приводить слова Энгельса, упрекавшаго Дарвина за то, что онъ „приписалъ открытыму имъ естественному подбору непомѣрную важность, сдѣлавъ его исключительнымъ рычагомъ измѣненія видовъ“ и тѣмъ совершивъ крупную ошибку. „Не подобную-ли ошибку,—спрашиваетъ критикъ,—совершаетъ и Энгельсъ, видя въ экономикѣ послѣднюю пружину общественной жизни?“ Отвѣтъ г. И. Б—скаго ясенъ.

Въ майской книгѣ „Русского Богатства“, книгу г. Бельтова подвергъ разбору г. Н. Кудринъ въ статьѣ „На высотахъ объективной истины“. Авторъ, прежде всего, ловитъ г. Бельтова на разныхъ промахахъ по части фактическихъ знаній и методологіи, а въ концѣ обращается къ практическимъ, жгучимъ вопросамъ русской современности. Собственно экономическому материализму посвящена только, такъ сказать, центральная часть статьи (стр. 153—165).

Г. Кудринъ находитъ, что попытка г. Бельтова обосновать экономический материализмъ „заслуживаетъ вниманія,

хотя бы уже потому, что такихъ попытокъ было вообще очень мало со стороны марксистовъ и въ Западной Европѣ и у насъ: они все больше декретируютъ истинность своихъ воззрѣній, чѣмъ уясняютъ ихъ". Критикъ находитъ, однако, что „аргументація г. Бельтова оставляется въ тѣни существенныя стороны вопроса и недостаточно убѣдительна по отношенію къ сторонамъ, выдвинутымъ на свѣтъ", при чемъ г. Кудринъ „во избѣженіе недоразумѣнія, замѣчаетъ, что самъ принадлежитъ къ людямъ, придающимъ важное значеніе экономикѣ,—важное, но не единственное", оговаривается онъ (стр. 153). Это свидѣтельствуетъ о томъ, что со стороны г. Кудрина можно ожидать безпристрастного отношенія къ экономическому материализму, и мы думаемъ, что всякому, кто ищетъ серьезныхъ данныхъ для критики экономического материализма, слѣдуетъ прочесть отмѣченныя страницы статьи, гдѣ онъ найдетъ и фактическія данныя (статья вообще обнаруживаетъ эрудицію автора). Здѣсь мы ограничимся только передачею главныхъ мыслей г. Кудрина.

„Когда намъ говорятъ, что общественное производство, общественный трудъ есть необходимый процессъ обмѣна матеріи между природой и человѣкомъ, живущимъ въ обществѣ, мы съ этимъ вполнѣ согласны. Но вытекаетъ ли изъ этого опредѣленія, что общественное производство есть весь процессъ обмѣна между природой и человѣкомъ? Конечно, нѣтъ (стр. 154). Обмѣнъ матеріи между человѣкомъ и природой происходитъ не только въ производствѣ жизни, но въ самой жизни, значитъ, во всевозможныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности". Это разъ. Во-вторыхъ, г. Кудринъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что даже въ самыхъ отсталыхъ племенахъ человѣчества „мы всегда находимъ щѣлый рядъ потребностей, которые не принадлежатъ къ экономическимъ, и которые тѣмъ не менѣе могутъ удовлетворяться лицъ въ общежитіи. Отсюда слѣдуетъ,—заключаетъ г. Кудринъ,—что и общественные формы вырастаютъ не только изъ процесса производства, но и изъ другихъ родовъ колективной дѣятельности людей". Онъ напоминаетъ, напр., что у нѣкоторыхъ дикарей, „по истинѣ героическихъ поклонниковъ брюха, вопросы желудка отступаютъ порою очень явственно на задній планъ передъ потребностями украшения и игры, т.-е. передъ венцами, изъ которыхъ у цивилизованнаго человѣка выро-

стаетъ цѣлый блестящій міръ искусства и эстетического наслажденія“ (стр. 155). Факты, приводимые тутъ г. Кудринъ, весьма любопытны. Интересенъ и анализъ первобытныхъ религіозныхъ вѣрованій и учрежденій, произведенный г. Кудринъ: хотя онъ, конечно, нового здѣсь ничего не говоритъ, но представители экономического материализма старое очень часто забываютъ, а ихъ послѣдователи нерѣдко и не знаютъ этого старого, вслѣдствіе чего и не имѣютъ данныхъ для критики ученія, выводящаго (конечно, непонятнымъ образомъ) религию изъ экономіи. Между прочимъ, г. Кудринъ думаетъ даже, что „на извѣстной ступени религіозная потребность создаетъ даже едва ли не первое раздѣленіе общества на классы, съ особыми экономическими и политическими интересами“. На этой почвѣ происходитъ выдѣленіе класса жрецовъ, получающаго политическое значеніе и дѣлающагося самымъ богатымъ классомъ, благодаря приношеніямъ вѣрующихъ (стр. 157). Любопытно, что такъ смотритъ на дѣло въ своей специальной „Geschichte des Priestertums“ Липпертъ, самъ видящій въ „попеченіи о жизни“ основной мотивъ человѣческой цивилизациіи и потому зачисляемый некоторыми прямо въ экономические материалисты¹⁾. Г. Кудринъ показываетъ далѣе, что родовыя отношенія сами вліяли на экономическія отношенія. „Совокупное значеніе,— говоритъ онъ,—семейно-родовыхъ и религіозныхъ началъ для чисто экономического строя признается всеми мало-мальски серьезными изслѣдователями“, опирающимися на многочисленные факты. Вмѣстѣ съ этимъ и элементъ политической (принудительный элементъ въ общежитіи), существующій уже на очень раннихъ ступеняхъ общественного развитія; тоже не можетъ быть объяснено изъ одной экономики. Не одна она, а вся совокупность реальныхъ условій жизни вырабатываетъ солидарность отдельныхъ членовъ одного и того же племени (стр. 160); да и властолюбіе (это политическое „искусство для искусства“) принадлежить къ разряду чувствъ, несомнѣнно существующихъ, и при томъ отдельно отъ корыстолюбія. Интересны также совершенно идущія въ разрѣзъ съ „марксистскими“ объясненіями указанія на значеніе людоѣдства (стр. 161—163). Марксисты въ войнѣ первобытныхъ людей видятъ низшую ступень въ развитіи правильныхъ способовъ экономического производства: это—охота

¹⁾ Совершенно неосновательно.

на людей. Оказывается на основании фактическихъ данныхъ, что въ странахъ, обиженныхъ природою, постоянная голодовка не вызываетъ, однако, дикарей на подобного рода „охоту“, и что, наоборотъ, людоѣдство процвѣтаетъ иногда среди такой природы, гдѣ въ подобной „охотѣ“ надобности совершенно могло бы и не быть. Притомъ людоѣды нерѣдко оказываются стоящими на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ племена, не занимающіяся антропофагіей. Между прочимъ, г. Кудринъ указываетъ на роль сувѣрія въ возникновеніи людоѣдства.

Г. Кудринъ дѣлаетъ и нѣсколько общихъ замѣчаній объ исторической теоріи г. Бельтова. Онъ „не безъ нѣкотораго удовольствія“ отмѣчаетъ (стр. 163), что г. Бельтовъ признаѣтъ значеніе въ общественномъ развитіи за „тою суммою понятій и чувствъ“, которую называетъ психологіей общества, и что въ развитіи человѣческой мысли онъ не отрицає существованія „своихъ особенныхъ законовъ“ ¹⁾. „Если въ мірѣ логическомъ,— говоритъ г. Кудринъ,—есть свои законы развитія, если прошлое идей опредѣляетъ ихъ настоящее, то прошлое идей этого данного общества можетъ вліять на настоящее и будущее идей другого общества, лишь бы между тѣмъ и другимъ былъ идейный обмѣнъ... Если даже и допустить, что известнаго рода понятія и воззрѣнія выростаютъ лишь изъ известной экономической почвы (г. Кудринъ самъ этого, разумѣется, не признаѣтъ), эти понятія и воззрѣнія могутъ быть привиты къ психології другого общества, хотя бы экономическая отношенія послѣдняго и довольно значительно разнились отъ перваго. А разъ психологія мѣняется подъ вліяніемъ привитыхъ началь, изменяется и отношеніе общества къ его собственнымъ экономическимъ формамъ, и измѣнившіеся „органы“ направляютъ его на выработку иныхъ жизненныхъ условій“ (164—165). Это теоретическое разсужденіе, напоминающее намъ мысли и нѣкоторыхъ другихъ исследователей экономического материализма по вопросу о вліяніи „психології“ одного общества на „психологію“ другого ²⁾, служитъ для г. Кудрина переходомъ къ разбору взглядовъ г. Бельтова на нашу родную дѣйствительность.

¹⁾ Ср. у насъ выше, стр. 165 и слѣд.

²⁾ Бартъ, Вейзенгрюнъ и др. Самъ г. Кудринъ цитируетъ статью Барта „Zu Hegels und Marx' Geschichtsphilosophie“ (въ Archiv für Geschichte der Philosophie. Berlin. 1895).

Наконецъ, изъ статей „Русского Богатства“, касающихся экономического материализма вообще и въ частности его представителей въ русской литературѣ, назовемъ статью г. Зака „Судьбы крестьянской общины въ Германии“. Въ этой статьѣ есть нѣсколько заключительныхъ страницъ¹⁾ съ общими замѣчаніями объ экономическомъ материализмѣ. Дѣло идеть, имено, о томъ мѣстѣ въ сочиненіи Маркса „Zur Kritik der politischen Оeconomie“, где говорится о причинахъ общественныхъ переменъ²⁾. Данную тамъ формулу авторъ провѣряетъ на истории нѣмецкой крестьянской общины и доказываетъ, что эта история не подтверждаетъ теоріи, такъ какъ „мы не видимъ никакого переворота въ производительныхъ силахъ, который, предшествуя процессу разрушенія общины, относился бы къ нему, какъ причина къ слѣдствію“ (стр. 194). Отсюда авторъ переходитъ къ болѣе общей темѣ. „Думать,—говорить онъ,—что въ основѣ общественной борьбы лежать исключительно материальная побужденія, значитъ признавать, что дѣйствіями человѣка руководить одно стремленіе—стремленіе къ пополненію машины; это значитъ воскресить того блаженной памяти абстрактнаго человѣка, котораго призвала къ жизни вульгарная политическая экономія и котораго почти похоронила новѣйшая экономическая наука“ (стр. 194—195). Впрочемъ, сами представители экономического материализма отказываются отъ идеи, что дѣйствіями людей всегда управляютъ материальные интересы, и въ доказательство этого г. Закъ приводитъ длинную выдержку изъ книги г. Бельтова, протестующаго противъ такого грубаго пониманія теоріи. Самъ Марксъ притомъ „говорилъ о способахъ производства, а не о материальномъ интересѣ; въ послѣднемъ случаѣ,—прибавляетъ г. Закъ,—онъ ничѣмъ не отличался бы отъ многаго множества другихъ мыслителей, довольно давно высказавшихъ подобную идею“ (стр. 196). Поэтому и есть точки зрењія экономического материализма паденіе общины нельзѧ разматривать, какъ результатъ борьбы общественныхъ силъ, обусловленной одною жаждою богатства. Но, по мнѣнию г. Зака, и теорія, ставящая въ зависимость отъ состоянія и развитія производительныхъ силъ исторію какихъ бы то нигъ было общественныхъ явлений, не менѣе неосновательна. Изложивъ по книгѣ г. Бель-

1) См. выше, стр. 185, прим.

2) Это мѣсто приведено у насъ выше, стр. 43—44.

това, въ чемъ заключается основная идея экономического материализма (стр. 198—200), онъ ставить вопросъ: „какія требованія слѣдуетъ предъявить къ теоріи, претендующей на научное значеніе?“ Эти требования всѣмъ извѣстны: они формулированы такими теоретиками научнаго метода, какъ Милль; съ примѣнениемъ этихъ требованій на практикѣ можно познакомиться на теоріяхъ теплоты, свѣта и звука. Гипотеза экономического материализма указаннымъ требованиямъ не удовлетворяетъ. Г. Закъ различаетъ два понятія: генезисъ общественныхъ явлений и законы ихъ развитія. По теоріи экономического материализма въ томъ видѣ, какъ ее излагаетъ авторъ, „не нужно думать, что производительные силы непосредственно связаны со всікимъ общественнымъ явлениемъ и закономъ, что отъ первыхъ можно прямо дедуцировать къ послѣднимъ“, такъ какъ „между производительными силами и всякимъ другимъ факторомъ лежитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ инстанцій, черезъ которыхъ передается ихъ вліяніе. Если мы обозначимъ производительные силы черезъ P , а какой-либо факторъ, положимъ—этическій, черезъ E , то, чтобы выяснить генезисъ послѣдняго, нужно пройти цѣлый рядъ инстанцій: F , G , H , K и пр., пока не дойдемъ до какого-либо O , который непосредственно зависитъ отъ P “ (стр. 198—199). Г. Закъ прибавляетъ, что между разными общественными явлениями можно установить цѣлую градацию по степени ихъ близости къ производительнымъ силамъ, и это совершенно вѣрно, хотя,—прибавимъ отъ себя,—большая или меньшая близость не указываетъ на то, что всѣ эти элементы въ послѣдней инстанціи исходятъ исключительно изъ экономического фактора. Право, конечно, напр., ближе къ экономіи, чѣмъ искусство, и при общей связи, существующей между всѣми явлениями, которые совершаются въ обществѣ, можно установить известную связь между экономіей и искусствомъ, но эта связь не только не будетъ непосредственной, но не будетъ и причинною (или генетическою), т.-е. экономія не будетъ причиною (или источникомъ) искусства. Намъ кажется, что г. Закъ на это не обращаетъ достаточнаго вниманія и какъ будто (если мы только не ошибаемся) соглашается, что экономической материализмъ, дѣйствительно, способъ выяснить изъ производительныхъ силъ генезисъ такихъ культурныхъ явлений, какъ религія, мораль, философія, наука, поэзія, искусство. Перечисляя требования, какія слѣдуетъ предъявлять научнымъ теоріямъ, г. Закъ не останавливается на томъ,

чтобы теорія отличалась полною понятністю. Экономіческій матеріализмъ очень простъ, но простота не есть синонимъ понятністи: просто это ученіе потому, что все сводить къ одному началу, но это сведеніе экономіческій матеріализмъ производить непонятнымъ образомъ, заставляя искать въ экономикѣ корней всей духовной культуры. Возвратимся, однако, къ г. Заку.

Онъ спрашиваетъ: что можетъ дать соціологіи экономіческій матеріализмъ?—и отвѣтываетъ такъ: „по увѣренію г. Бельтова, онъ выясняетъ только генезисъ общественно-историческихъ явлений, т.-е. ихъ происхожденіе. Другими словами, экономіческие законы отнюдь не могутъ дать законовъ развитія всѣхъ соціальныхъ явлений. Чтобы отъ экономіи умозаключать, положимъ, къ искусству, нужно принять во вниманіе цѣлый рядъ обстоятельствъ, изъ которыхъ только одно послѣднее, самое отдаленное, непосредственно связано съ производительными силами. Выходитъ,—продолжаетъ г. Закъ,—что всякая категорія явлений развивается по своимъ собственнымъ законамъ; но если мы пожелаемъ узнать, что же было въ началѣ началъ, то намъ скажутъ, что тамъ свѣтится огонекъ производительныхъ силъ. Путаница общественно-историческихъ явлений отъ этого не уменьшается, сложность ихъ законовъ отъ этого не упрощается. Факторъ А связанъ съ В, В съ С, С съ D, и только D непосредственно познаётъ сладость объятій производительныхъ силъ; а такъ какъ и В, и С, и D другъ на друга вліяютъ, то законы А основываются не на одномъ только развитіи производительныхъ силъ, а и на другихъ факторахъ (стр. 205)... Мы можемъ,—говорить еще авторъ,—превосходно выяснить генезисъ какой-либо категоріи явлений и ничего не выиграть въ смыслѣ открытія законовъ ихъ развитія. Знать происхожденіе явленія важно, необходимо, но это одно не въ состояніи дать всего, что требуется отъ научной теоріи. Теоріи создаются для того, чтобы съ ихъ помощью разобраться въ путаницѣ явлений, подмѣтить въ этихъ послѣднихъ единообразіе, открыть законы ихъ развитія, порядокъ сосуществованія и послѣдовательности. Экономіческій матеріализмъ—въ томъ видѣ, какъ его основные положенія сформулированы въ книжкѣ г. Бельтова, изъ которой мы заимствовали приведенные выше выдержки,—бессиленъ съ этой точки зрењія. Вмѣстѣ съ расширенiemъ своихъ рамокъ, теорія экономіческаго матеріализма въ такой постановкѣ теряетъ свое значеніе для объясненія историческихъ фактovъ... Сторонникамъ экономіческаго матеріа-

лизма необходимо считаться съ вопросомъ о томъ, въ состояніи ли теорія выдержать бремя накопившихся до сихъ поръ фактовъ. Для защиты теоріи они должны указать, что она подтверждается исторической дѣйствительностью. До сихъ поръ еще такихъ доказательствъ мы не имѣемъ“ (стр. 206).

Съ конечнымъ выводомъ г. Зака мы совершенно согласны, но намъ кажется, что, настаивая здѣсь на полной непригодности экономического материализма для открытія законовъ, управляющихъ разнаго рода общественными явленіями,—критикъ какъ будто уступаетъ экономическому материализму: по вопросу о генезисѣ всѣхъ этихъ явленій онъ только различаетъ между явленіями, стоящими къ экономической основѣ ближе или дальше отъ нея отстоящими, не задавая себѣ, однако, при этомъ вопроса, откуда же берутся промежуточныя инстанціи, не позволяющія, напр., проявленіямъ художественного творчества испытать „сладость объятій производительныхъ силъ“. Сображенія г. Зака о законахъ развитія очень важны, но дѣло въ томъ, что и по вопросу о генезисѣ всѣхъ общественныхъ явленій экономический материализмъ не можетъ быть признанъ за сколько-нибудь удовлетворительную гипотезу. Впрочемъ, разсужденіе г. Зака, главнымъ образомъ, имѣть то значеніе, что если бы даже всѣ культурныя и соціальныя явленія и получили, дѣйствительно, чисто экономическое происхожденіе, это еще ничего не решало бы относительно законовъ развитія этихъ явленій. Для автора статьи о крестьянской общинѣ было важно показать, что изъ сведенія всей исторической жизни къ экономикѣ еще нельзя выводить никакихъ пророчествъ относительно судебъ такого учрежденія, каково общинное землевладѣніе. Своей цѣли онъ достигъ, но было бы ошибочнымъ думать, что авторъ самъ стоитъ на точкѣ зреінія экономического материализма въ смыслѣ признанія за всѣмъ содержаніемъ исторической жизни человѣчества чисто экономического генезиса. Оспаривая преимущественно послѣднюю идею, мы можемъ только пожалѣть, что въ статьѣ г. Зака не видно болѣе рѣшительного отношенія къ этой идее, какъ тоже не могущей имѣть научнаго обоснованія.

Другіе наши журналы также обратили вниманіе на книги гг. Струве и Бельтова, но по числу статей, посвященныхъ этому предмету, ни одинъ журналъ не даетъ такого обильнаго материала для критики экономического материализма, какъ „Русское Богатство“.

Въ „Недѣлѣ“ и въ „Новомъ Словѣ“ противъ обоихъ представителей экономического материализма высказался г. В. В., противъ котораго, между прочимъ, такъ же, какъ и противъ Н. К. Михайловскаго, были направлены полемическія стрѣлы гг. Струве и Бельтова. Г. В. В., какъ известно, представитель народничества. Съ гг. Струве и Бельтовымъ его раздѣляетъ, главнымъ образомъ, разное пониманіе судьбы капитализма въ Россіи, раздѣляетъ и разное пониманіе соціальной роли интеллигенціи; но по своимъ общимъ исторіологическимъ взглядамъ онъ раньше былъ довольно близокъ къ экономическому материализму, да и теперь, повидимому, не стоитъ прямо въ отрицательномъ къ нему отношеніи. Поэтому, возраженія его направлены не столько противъ исторіологическихъ, сколько противъ публицистическихъ идей обоихъ представителей экономического материализма. Послѣдняго онъ касается лишь слегка, но тамъ, где ему приходится упоминать объ этой теоріи, отношение его къ ней все-таки критическое.

По поводу книги г. Струве г. В. В. напечаталъ статью въ №№ 47, 48 и 49 „Недѣли“ за 1894 г. подъ заглавиемъ „Нѣмецкій соціаль-демократизмъ и русскій буржуазізмъ“. Въ ней есть кое-какія замѣчанія объ экономическомъ материализмѣ, но главное содержаніе статьи относится къ спору между народничествомъ и марксизмомъ. Критикъ г. Струве нападаетъ не на самую идею, лежащую въ основѣ ученія, а на выводы, какие изъ этой идеи дѣлаются. Онъ даже намѣщаетъ (№ 48, стр. 1546), какое, по его мнѣнію, заключеніе должно было бы явиться логическимъ результатомъ материалистического толкованія исторіи,— и упрекаетъ (стр. 1547) русскихъ послѣдователей доктрины въ томъ, что они, „вместо научной разработки этого ученія, брошенаго въ міръ въ качествѣ голаго остова, предпочитаютъ пользоваться имъ, какъ боевымъ орудіемъ за что-то и противъ чего-то“. Это показываетъ, что г. В. В. какъ бы не можетъ отрѣшиться отъ той мысли, что въ основѣ своей экономической материализмъ, быть можетъ, и правиленъ, но лишь нуждается въ научной разработкѣ и въ иныхъ выводахъ, нежели тѣ, какие дѣлаются русскими марксистами, самъ совсѣмъ не замѣчая, что между исторіологическою концепціей экономического материализма, съ одной стороны, и русскимъ „буржуазізмомъ“, какъ онъ его (неправильно и по существу, и по выражению) называетъ, нѣть прямой логической связи.—Книгу г. Бельтова г. В. В. разбираетъ въ

статьѣ, помѣщенной подъ двойнымъ заглавиемъ: „Очерки современныхъ направлений“ и „Экономический материализмъ на русской почвѣ“, помѣщенной въ ноябрской книгѣ „Нового Слова“ за 1895 г. Первая половина этой статьи (главы I—IV) представляетъ собою критику экономического материализма. Г. В. В. обращаетъ внимание читателя на то, что, появившись около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, экономический материализмъ продолжаетъ сохранять тотъ же видъ, какой ему былъ приданъ основателями этого ученія, что онъ продолжаетъ оставаться „лишь формою, ожидающею своего содержанія“, — формою, которая „за отсутствиемъ реального содержанія удобно можетъ вмѣстить все, что заблагоразсудить вложить въ нее субъективное чувство данного лица“. Для подтвержденія послѣдней мысли г. В. В. ссылается на то, что „разматриваемое учение явилось къ намъ одновременно съ двумя различными партійными программами — одной (г. Струве), призывающей насъ въ объятія капитализма, другой (г. Бельтова), приглашающей бороться съ послѣдними — путемъ развитія сознанія производителей“ (стр. 105). Предположимъ, что гг. Струве и Бельтovъ заявлять, что у нихъ программа одна и та же, и допустимъ, что это такъ, (хотя бы и г. В. В. быть правъ, формулируя различіе между обѣими программами такимъ образомъ), но дѣло въ томъ, что самъ-то экономический материализмъ имѣть, вопреки утвержденію г. В. В., весьма определенное содержаніе: это, какъ опредѣляетъ самъ же г. В. В., есть „идея зависимости различныхъ проявленій общественного быта отъ экономического строя общества“ въ связи съ идеей общественного развитія (стр. 100). Экономический материализмъ вовсе поэтому не есть форма для любого содержанія, и то, что г. В. В. въ данномъ случаѣ называетъ содержаніемъ, есть не что иное, какъ практическіе совѣты, вовсе не вытекающее изъ ученія о томъ, что вся жизнь общества можетъ быть сведена къ экономической основѣ. Программы гг. Струве и Бельтова суть простые прилатки къ экономическому материализму, или вѣрнѣе, послѣдній есть совершенно ненужный къnimъ привѣсокъ, безъ котораго подобные программы легко могли бы обойтись, ибо для доказательства вѣрности любой изъ этихъ программъ экономический материализмъ, будь онъ самъ совершенно даже вѣренъ, дать ничего не дастъ, да и дать не можетъ¹⁾). Зато г. В. В.

1) См. выше, гл. III.

вполнѣ правъ, когда указывать, что представители экономического материализма „съ чисто сектантской ревностью“ держатся даже за вѣшнія, отжившія формы своего ученія, за метафизическая разсужденія Гегеля (стр. 106).

,По личному своему настроению,—говорить г. В. В.,—и согласно интересамъ той программы, какую мы представляемъ, мы вовсе не расположены бороться съ основной идеей того ученія, какое будто бы ¹⁾ защищается г. Бельтовымъ. Не будучи же специалистомъ-исторіософомъ, я избавленъ отъ обязательства разбирать, насколько аргументація г. Бельтова способна поддержать развивающую имъ гипотезу. Въ виду сказанного,—заключаетъ г. В. В.,—мы остановимся на той части труда автора, въ которой онъ съ высоты теоріи экономического материализма оцѣниваетъ нѣкоторые явленія русской литературы“ (стр. 111). Итакъ, г. В. В. отказывается отъ историко-философской критики экономического материализма, который онъ опять-таки понимаетъ не въ тѣсномъ смыслѣ основной исторіологической концепціи, а въ смыслѣ известной фракціи марксизма съ ея особымъ отношеніемъ къ русской литературѣ и русской дѣйствительности. Впрочемъ, въ одномъ лишь отношеніи г. В. В. отступаетъ отъ своего намѣренія: онъ останавливается на гегельянствѣ г. Бельтова (стр. 112 и слѣд.). Мы все-таки думаемъ, что не „гегельянщина“—самое важное въ экономическомъ материализмѣ, и что отъ того или другого къ ней отношенія съ нашей и съ чьей бы то ни было стороны никакъ не можетъ зависѣть нашъ взглядъ на самое существо идеи, выводящей религию, мораль, философию, поэзію и искусство какимъ-то чудеснымъ образомъ изъ экономики.—Въ томъ, что г. В. В. понимаетъ экономической материализмъ именно въ самомъ широкомъ смыслѣ, читатель можетъ убѣдиться и изъ продолженія статьи, напечатанной въ декабрской книжкѣ „Нового Слова“. Замѣтимъ, что и тутъ нашего критика мало интересуетъ чисто теоретический вопросъ. Напр., самъ г. В. В. оговаривается (стр. 73), что „не сказалъ ничего о томъ, какъ г. Бельтовъ поставилъ внизъ головой формулу о зависимости между экономіей и психологіей общества, высказанную основателями экономического материализма“ ²⁾.

1) Мы бы не поставили здѣсь этого „будто бы“.

2) Дѣло идетъ о взглядѣ г. Бельтова на счетъ того, что „медленная психологическая эволюція предшествуетъ экономической революціи“ (Бельтовъ, 176). Ср. у насъ выше, стр. 163.

Возвращаемся къ первой части статьи. Въ ней г. В. В. довольно подробно останавливается на теоріи г. Бельтова о взаимодѣйствіи между мнѣніями или нравами, съ одной стороны, и общественными отношеніями, съ другой, при чемъ основательно замѣчаетъ, что факторъ, произведшій и нравы, и учрежденія, не можетъ принадлежать къ послѣднимъ двумъ элементамъ (стр. 116). „Нельзя,—говорить авторъ,—выйти изъ путаницы взаимовліяній, вырвавъ изъ нихъ, положимъ, интеллектуальный факторъ или государственное устройство и поставить его въ качествѣ первопричины, произведшей всѣ прочія мнѣнія и общественные отношенія; нельзя этого сдѣлать, потому что и то, и другое, и третье уже состоять включенными въ формулу взаимодѣйствія. Такимъ образомъ, исторический факторъ, дающій происхожденіе и опредѣляющій развитіе общественной среды и мнѣній, самъ долженъ стоять внѣ того и другого, долженъ быть дѣйствительно чѣмъ-то для двухъ первыхъ вещей постороннимъ, чѣмъ-то третьимъ“ (стр. 117). Какъ материалистъ, т. Бельтовъ этому „третьему“ долженъ былъ придать материальный характеръ и при томъ найти его внѣ человѣка и внѣ общества, разъ онъ хотѣлъ подражать Гегелю, замѣнивъ только „духъ“ „матеріей“. Искомое „третье“ должна была бы представить собою географическая среда, и на этомъ г. Бельтову слѣдовало бы и остановиться (стр. 118), но онъ на этомъ не остановился, а замѣнилъ вѣнчаную материальную среду, въ сущности, внутренними отношеніями общества, взятыми съ ихъ экономической стороны. Эти немногія соображенія г. В. В. дѣйствительно вскрываютъ одну изъ слабыхъ сторонъ теоріи г. Бельтова, хотя критикъ не постарался развить всей своей мысли на этотъ счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли ¹⁾, г. Бельтовъ, признавая совершающееся внутри общества взаимодѣйствіе разныхъ сторонъ его бытія, ищетъ общую основу взаимодѣйствующихъ силъ не въ чёмъ иномъ, какъ въ одной изъ сторонъ этого же самаго общественнаго бытія. Переходя къ общей характеристицѣ современного состоянія рассматриваемой теоріи, г. В. В. замѣчаетъ, что сочиненіе г. Бельтова не даетъ обоснованія теоріи (122). Марксъ не имѣлъ учениковъ-сотрудниковъ, и между его послѣдователями „не нашлось нѣсколькихъ человѣкъ, настолько прилежащихъ наукъ, чтобы бороться за исповѣдуемое ими ученіе научнымъ его

¹⁾ См. выше, гл. IX.

обоснованиемъ. Гипотеза экономического материализма наибольшімъ успѣхомъ обязана партійнымъ соображеніямъ и расчетамъ“. Г. В. В. находитъ, что нынѣшніе руководители немецкаго рабочаго движения „даже злоупотребляютъ идеей предполагаемой преимущественной связи, именно, ихъ программы съ научно-философскимъ пониманіемъ исторического процесса“ (стр. 123). Указаніями на необоснованность теоріи экономического материализма и кончается эта часть статьи г. В. В. Продолженіе ея не представляетъ интереса съ той точки зренія, съ которой мы рассматриваемъ здѣсь этотъ предметъ.

Я не буду останавливаться на мелкихъ замѣткахъ, вызванныхъ книгами гг. Струве и Бельтова въ „Русской Мысли“. Кроме нихъ, въ этомъ журналь (за авг. и сент. 1895 г.) появилась обѣихъ книгъ большая статья Л. Е. Оболенскаго подъ заглавиемъ „Новый расколъ въ нашей интеллигенції“. Какъ и подобаетъ по характеру разбираемыхъ имъ произведеній, авторъ останавливается на вопросѣ: должны ли мы пережить ту стадію экономического развития Западной Европы, которая называется капитализмомъ? Но г. Оболенскій касается и экономического материализма, въ которомъ онъ видитъ „теоретический фундаментъ“ для доказательствъ, приводимыхъ гг. Струве и Бельтовымъ въ пользу своей идеи о необходимости для Россіи пережить капиталистическую стадію развитія (кн. № VII, стр. 30). Къ сожалѣнію, г. Оболенскій отожествляетъ понятія „экономического“ и „діалектического“ материализма, какъ бы не замѣчая того, что экономический материализмъ касается содержанія исторического процесса, который по формѣ можетъ быть и недіалектиченъ, тогда какъ діалектическая сторона ученія относится именно къ пониманію формы этого процесса, по содержанію своему могущаго быть и не экономическимъ¹). Въ самой теоріи гг. Струве и Бельтова ихъ общій критикъ интересуется болѣе, именно, вопросомъ о соціальномъ развитіи, подчиненному у обоихъ авторовъ діалектическимъ законамъ, чѣмъ о происхожденіи всего того, что послѣдователи исторіологической идеи Маркса и Энгельса называютъ надстройкою надъ экономическимъ фундаментомъ, хотя это-то и есть основной принципъ всего экономического материализма. Мѣстами (стр. 34 и 42) г. Оболенскій готовъ даже согласиться съ основнымъ положеніемъ экономического материализма, но для того,

¹⁾ Ср. выше, стр. 38 и др.

чтобы показать, какъ изъ этого положенія можно сдѣлать совсѣмъ иные выводы, а это значитъ, что экономической материализмъ, дѣйствительно, вовсе ненуженъ для обоснованія взглядовъ гг. Струве и Бельтова на нашъ капитализмъ и на нашу интелигенцію. Тѣмъ не менѣе критикъ не считаетъ нужнымъ сдѣлать такое заключеніе, подчеркнуть мысль о томъ, что „теоретический фундаментъ“ экономического материализма можетъ приходиться и для иныхъ построекъ, чѣмъ та, какую воздвигаютъ гг. Струве и Бельтovъ. Конечно, съ основнымъ положеніемъ экономического материализма г. Оболенскій соглашается лишь условно и спѣшить заявить, что „считаетъ это положеніе (т.-е. то, что „психологическая эволюція совершается только экономическими условіями“) пока недоказаннымъ и являющимся простою дедукціею изъ гипотезы“ (стр. 43). Что касается до самой этой гипотезы, по которой „все зиждется на экономическомъ процессѣ“, то по такому капитальному вопросу г. Оболенскій никакъ не высказывается, но тѣмъ не менѣе у него есть одно весьма важное замѣчаніе, изъ котораго онъ дѣлаетъ кое-какіе выводы для опроверженія гг. Струве и Бельтова по ихъ взглядамъ на капитализмъ, но котораго, къ сожалѣнію, не развиваетъ въ чисто-теоретическомъ направлении. „Даже допустивъ,—говорить онъ (стр. 43),—что гипотеза вѣрна, надо черезчуръ сузить пониманіе самой этой гипотезы, чтобы видѣть, напр., въ юридическихъ учрежденіяхъ Запада только продуктъ капитализма“. Дѣло въ томъ, именно, что между сведеніемъ всей исторіи къ экономическому процессу, съ одной стороны, и пониманіемъ экономического процесса, какъ возникновенія развитія и (будущаго) паденія капитализма, съ другой,—нѣть необходимой, логической связи ¹⁾), и если, даже дѣлая уступки экономическому материализму, г. Оболенскій даетъ другія объясненія историческихъ фактовъ и приводитъ къ инымъ выводамъ, чѣмъ гг. Струве и Бельтovъ, то это доказываетъ лишь одно: сведеніе всей исторіи къ экономикѣ еще не заключаетъ въ себѣ необходимости понимать законы экономического развитія известнымъ образомъ, какъ, съ другой стороны, можно раздѣлять, положимъ, взглядъ Маркса на сущность экономической эволюціи, не ставя отъ нея одной, этой эволюціи, въ зависимость всего исторического процесса.

Г. Оболенскій направляетъ всѣ свои удары въ сторону дѣ-

¹⁾ См. выше, стр. 18 и слѣд.

лектическаго пониманія экономической эволюціи. Тѣмъ не менѣе по частнымъ вопросамъ о взаимныхъ отношеніяхъ между экономіей и психологіей у него есть весьма дѣльныя замѣчанія. Статью тоже можно совѣтовать прочесть вся кому, кто интересуется этою стороною предмета, но для того, кто сталъ бы искать въ ней какихъ-либо соображеній по основному пункту ученія, статья не дастъ никакихъ сколько-нибудь важныхъ замѣчаній. Прибавимъ, что г. Оболенскій хорошо охарактеризовалъ догматичность и субъективность книги г. Струве (стр. 37 и слѣд.).

Вотъ все наиболѣе важное и существенное, что только было сказано въ нашей журналистикѣ объ экономическомъ материализмѣ по поводу книгъ гг. Струве и Бельтова. Подводя итоги подъ мнѣніями критиковъ этихъ двухъ книгъ, мы замѣчаемъ слѣдующее:

1) Подъ экономическимъ материализмомъ критики гг. Струве и Бельтова разумѣли иногда весь комплексъ мнѣній этихъ авторовъ, начиная съ того, что дѣйствительно есть экономический материализмъ, и кончая тѣмъ, что съ послѣднимъ связано только внешнимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ этихъ критиковъ не только различаютъ экономический материализмъ отъ всего остального, что съ нимъ соединилось, но и заявляютъ, что между экономическимъ материализмомъ и построеными на его основѣ публицистическими мнѣніями нѣть никакой внутренней связи.

2) По свойству самыхъ книгъ гг. Струве и Бельтова, имѣющихъ чисто публицистическое значеніе, критики, главнымъ образомъ, разбирали то, что составляетъ существенное содержаніе обѣихъ книгъ. Поэтому основная идея экономического материализма не подвергалась съ ихъ стороны обстоятельному разбору, и первѣко они хлопотали не столько о томъ, чтобы показать неосновательность самаго экономического материализма, сколько о томъ, чтобы обнаружить, что экономический материализмъ, будь онъ даже вѣренъ, не можетъ служить основаніемъ для дальнѣйшихъ построеній гг. Струве и Бельтова.

3) Несмотря на все это, въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ мы находимъ все-таки и весьма вѣсکія замѣчанія по поводу самого экономического материализма. Всѣ согласны въ томъ, что представители экономического материализма проповѣдуютъ догматическую теорію, которая даже и не заботится о своихъ доказательствахъ. Съ другой стороны, критиками сдѣлано было

не мало общихъ и частныхъ возражений противъ этой теоріи, хотя, къ сожалѣнію, никто не считалъ нужнымъ особенно настаивать на томъ, что экономической материализмъ, прежде всего, требуетъ вѣры въ пѣчто непонятное, въ обусловленность всего содержанія духовной культуры общества, т.-е. религіозныхъ вѣрованій, моральныхъ стремленій, философскихъ взглядовъ и т. д. до формальной стороны поэзіи и искусства—способами производства и обмѣна.

Во всякомъ случаѣ русская журнальная критика сдѣлала немало для того, чтобы раскрыть передъ читателями, что экономической материализмъ, во-первыхъ, не имѣть подъ собою научной основы, и что будь, во-вторыхъ, онъ вѣренъ, онъ никакимъ образомъ не можетъ служить основою для того зданія, которое на немъ воздвигается. Замѣчательно и то, что среди критиковъ гг. Струве и Бельтова не было ни одного, который думалъ бы умалять значеніе экономического фактора въ исторіи, а иѣкоторые, быть-можетъ, даже склонны преувеличивать это значеніе.

Конечно, я не думаю, чтобы вся эта критика экономического материализма могла въ скоромъ времени положить конецъ догматическому увлечению этой исторіологической концепцію, тѣмъ болѣе, что критики и не имѣли въ виду систематического разбора именно самой основы экономического материализма. Представители послѣдняго будутъ, вѣроятно, попрежнему говорить свое, довольствуясь самой ненаучной аргументаціей. Примѣръ налицо: послѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами статей появилась въ печати одна вступительная лекція, которая повторяетъ всѣ логическія ошибки, какія дѣлались болѣе ранними представителями экономического материализма. Мы позволимъ себѣ разсмотретьъ и это проявление экономического материализма.
